

Вещи

Регина Семеновна протерла стаканы полотенечком и уже собиралась поставить их в буфет, когда вдруг заметила маленький скол на краешке одного из них.

— Петя, — позвала она мужа, — посмотри, какая неприятность!

Петр Николаевич глянул на стакан и расстроился. Супруги хотели было обменяться мнениями по поводу скола, но тут раздался звонок в дверь. На площадке каменной лестницы, что шла вдоль наружной стены их дома, стояла почтальонша. Они взяли у нее заказное письмо, расписались, положили на книгу регистрации металлическую гривну и, предвкушая удовольствие, сели за стол читать письмо.

Письмо было от их дочки из Канады. Дочь и зять уже в который раз предлагали родителям продать квартиру и переехать к ним.

Регина Семеновна растрогалась, читая, как дочь описывает лепет крохи, которая повторяет все слова по два раза, по-русски и по-английски, замечательную кухню с комбайном, посудомоечной машиной и кучей блендеров. Клубнику в январе и мясо, которое после семи вечера продается в супермаркетах со скидкой на пятьдесят процентов.

В общем, рай земной. И этот рай был для них вполне доступен. В ящичке буфета уже год лежало приглашение в Канаду, присланное дочкой. Осталось продать квартиру, найти людей, которые могли бы перевести деньги за нее из банка на банк как предпринимательские, потому что это было дешевле, чем с частного счета, и выехать в далекий манящий рай.

Но дело не шло. Квятковские хотели за свою квартиру двадцать пять тысяч долларов. Риэлторы крутили пальцами у виска. Такой цены нет. Двухкомнатная на Косвенной, с наружной лестницей, в старом доме? Смешно! Шестнадцать тысяч красная цена. Пусть берут и благодарят. Квятковские были в ужасе. Их дорогая квартирка, любимая квартирочка, ценилась так дешево! Эту квартиру они получили после войны, когда Петр Николаевич вернулся с фронта, а Регина из эвакуации. Их домик в Нерубайском сгорел, и они получили от райисполкома вот эту. Не квартира, а дворец, казалось им тогда. По сравнению с Нерубайским Молдавanka была центром города. И вот теперь приходят люди и, поджав губы, презрительно отзываются об их квартире. А АГВ, которое они сами поставили вместо печки, а поклеенные всего два года назад обои?

Дети писали им, чтобы брали, что дают. Что они там не нуждаются,

и отца с матерью досмотрят, даже если те приедут голые и босые. А шестнадцать тысяч неплохие деньги, которые можно положить в банк под проценты, и они эту ренту трогать не будут. Пусть забирают отец с матерью. Дети их всем обеспечат, а те деньги останутся им на карманные расходы.

Зять служил в банке, вот в этот банк и предлагали им положить деньги на эксклюзивных условиях как родителям банковского служащего. Но что делать с квартирой?

Квятковские возмущались жадностью покупателей, которые не хотели раскошелиться за такую чудесную квартиру. Но в глубине души они знали, что дело не только в деньгах. Они не могли себе представить, что чужие люди будут ходить по этим половицам, трогать руками краны на кухне, ложиться грудью на их подоконники и вдыхать запах цветущей липы, которая весной протягивает к ним свои ветки, покрытые мелкими цветочками, и предлагает насладиться своим медовым запахом. Все это было их, их, такое родное, как можно отдать это кому-нибудь? Может, они и отдали бы квартиру тысяч за двадцать, но как пустить в нее чужих людей, отдать свое?

Кроме того, они еще никак не могли распродать мелкое имущество. Каждую субботу и воскресенье Петр Николаевич ходил на Староконный рынок, известный у одесситов как Староконка, расстилал клеенку на земле и раскладывал свой товар. Посуду, мелкие вещи.

Дети писали, чтоб они ничего не везли с собой. Перевоз будет стоить гораздо дороже, чем это старье. На Западе есть обычай два раза в год выносить в гараж ненужные вещи. Попадают такие хорошие, что непонятно, отчего хозяева их выбросили. Этот обычай так и называется: "гаражная выставка". Там можно набрать что хочешь. Даже холодильники и телевизоры. Да и в их доме полная чаша. Чего возиться со старьем, тратить деньги на перевоз багажа? Пусть все бросят и летят ближайшим самолетом в новую жизнь.

Так хотели дети. А старики Квятковские думали иначе. Вот эта лиловая ваза. Ее купили сразу после войны. Эта была первая покупка Регины в новую квартиру. Еще не было мебели, кастрюль. Но ей попалась эта ваза по дешевке, и она не удержалась, взяла вместо килограмма картошки. И что, бросить ее тут, новым хозяевам их квартиры? А этажерка, на которую поставили первые после войны пять книг? Плюшевое покрывало с двумя тиграми, которым они укрывали свое супружеское ложе, тоже оставить? И так каждая вещь в доме. Каждая имела свою историю, свою душу, каждая была связана с ними незримыми нитями.

Когда Петр Николаевич впервые пришел на Староконку, он долго искал место, где расположиться со своими вещами. Люди стояли или сидели на складных стульчиках вдоль Ризовской, Раскидайловской, Серова. Перед каждым подстилка или клеенка, на ней старые вещи. У каждого, как он выяснил, свое определенное место, за которое администрации рынка платится 50 копеек за торговый день. Бывало, какая-то бабушка простоит два дня, субботу и воскресенье, со своим скарбом, и ничего не продаст. А заплатит гривну. А если заработает 5 гривен на хлеб за целый день, то и довольна.

Петр Николаевич нашел пустые два метра под стенами, расположился. Женщины справа и слева сказали ему, что это место чужое, тут стоит Игорь, его сегодня нет, но чужие места занимать нельзя. Он не послушался. Небось не закуплено, это ж просто тротуар. Назавтра появился Игорь, спросил:

— Тебе, дед, говорили, что тут занято?

Не дожидаясь ответа, сгреб за концы подстилку с посудой, которую продавал Петр Николаевич, и кинул под дерево напротив. Хорошо хоть не на асфальт, а на газон. Посуда звякнула, что-то хрустнуло и сломалось. Петр Николаевич понял, что это "закон рынка". Он не стал спорить, перешел к своему узлу и молча расположился под деревом. Здесь было не так удобно, но с течением времени это место стало его законным, и он сам теперь получил право гнать с него посторонних.

Квятковские рассчитывали продать свое имущество за полгода. Но дело шло очень туго. В пятницу вечером Регина Семеновна раскладывала на столе то, что завтра пойдет на базар, брала чистый лист бумаги и писала на нем для Петра Николаевича цены. Цену каждой вещи они обсуждали вдвоем, потом писали на листе бумаги, зачеркивали и ставили новую, на пару гривен выше. Бывало, что на каждую вещь приходилось по три-четыре цены. Им все казалось, что они продешевят. Вещи такие замечательные, у каждой своя история, своя память. Да им вообще цены нет.

Так прошел год. Наступила зима. Каменные ступеньки, ведущие в квартиру Квятковских, как всегда в январе, обледенели. Раньше Петр Николаевич в таких случаях брал молоток и сбивал лед. А в этом году что-то замешкался. Не было сил. И однажды утром Регина Семеновна, спешившая на базар, поскользнулась на предпоследней ступеньке и слетела вниз. Она закричала, сначала от испуга, потом от боли. Сбежались соседи. Вызвали "скорую". Петр Николаевич поехал с ней на Слободку в травматологию. Там сделали рентген и вынесли приговор: сломана шейка бедра.

Старики заплатили десять долларов за обезболивание, кость вправили и наложили гипс. Но надежды на то, что через двадцать один день, как положено, кость срастется, и Регина встанет на ноги, не оправдались. Как это часто бывает у старух, после такого перелома Регина осталась в постели. Ходить она больше не могла. У обоих был шок. Петр Николаевич понимал, какой на него свалился груз. Но нес свой крест безропотно. Менял под Региной белье, варил супчики на кухне.

Дети звонили из Канады, требовали все бросить, положить мать на носилки и самолетом вывезти в Канаду. Мало того что там дочь. Но ведь и социальная служба в Канаде поставлена на высоту. Каждый день приходит государственная медсестра, обслуживает, пока дочка на работе. Это бесплатно. Лекарства тоже. Да еще будут доплачивать семье за то, что среди них находится инвалид. Но ведь чтобы уехать, надо было бросить все! Продать квартиру за сколько дадут, оставить новым жильцам все свои вещи!

Петр Николаевич продолжал по субботам и воскресеньям ходить на Староконку. С одной стороны, он волновался за оставленную дома жену, которой может что-то понадобится, а его не будет. А с другой, он отдыхал на Староконке, потому что не надо каждые пять минут бежать по ее зову, и еще потому, что он втянулся в это дело.

Староконка представляла собой своеобразный клуб, где вперемешку торговали старыми тряпками и ценным антиквариатом. Здесь все были знакомы между собой, и бабушки, зарабатывавшие себе на кило картошки, и торговцы стариной, и постоянные посетители-покупатели. Все друг друга знали, при случае могли поругаться, а могли друг другу и помочь. Знали цены, какие у кого. Про Петра Николаевича говорили: "Ему нравится приносить и уносить". Имея в виду, что его цены на товар так велики, что кроме как удовольствия посидеть с товаром на воздухе и почесать на Староконке язык, у него не было никаких других шансов. Но это была неправда, иногда и у него что-то покупали. Тогда Квятковские и радовались тому, что что-то ушло, и горевали оттого, что их любимые вещи больше не будут им принадлежать. Даже больше того, они ушли в чужие дома и в чужие руки, и неизвестно, как новые хозяева будут ими распоряжаться.

От долгого лежания Регина ослабела и стала капризной. Если Петр Николаевич задерживался на Староконке чуть дольше обычно, она могла устроить ему скандал. В конце концов, супруги решили, что проще давать объявления в газету и продавать, не выходя из дома. И не слышать к тому же ехидных замечаний соседей по торговле насчет цены.

Квятковский сходил в редакцию газеты "Авизо" и дал объявление

о продаже двух кресел с журнальным столиком за двести долларов и старой механической мясорубки за двадцать гривен.

За столиком и креслами приходили, давали сто двадцать. Он не взял. Насчет мясорубки даже никто не позвонил. Потом немного подфартило, и удалось продать цыганке все платья и обувь Регины Семеновны. Все равно ей в этом уже никуда не ходить. Цыганка дала мало, но зато забрала все сразу. Петр Николаевич догнал ее на лестнице и еще договорился насчет пальто жены, цыганка обещала прислать за ним свою сестру и дать сто сорок гривен.

После продажи вещей Регины она как-то сникла, не просила мужа посадить ее в кресло напротив телевизора и все больше спала. Одна была отрада — письма из Канады. Дети настойчиво просили бросить все и приехать. Но им легко просить, говорили между собой Квятковские, они же не наживали все это добро годами. Вон, поехали за границу и за год разбогатели. А они тут по зернышку собирали. Во время войны все сторело в Нерубайском, потом сколько намучились, пока в этой уже квартире обставились, обжились. А сбережения, которые сторели в сберкассе? Бывший сотрудник Петра Николаевича Гриша прибежал, когда началась вся эта заваруха, советовал: снимите деньги с книжки и купите на них золота, в случае чего всегда будет обеспечение. Но как снять? Рука не поднимается тронуть. Ведь с самой войны собирали, по копейке, во всем себе отказывали, собирали на старость, а тут взять и снять! А вдруг обойдется, — а они деньги снимут. Ведь проценты прервутся. Все деньги на срочном вкладе. Когда деньги, как и предсказывал Гриша, пропали, Квятковские горевали меньше, чем можно было ожидать. Потому что они пропали по вине государства, а государство это такая штука, непредсказуемая и грозная, как стихия, с ней воевать невозможно. А вот если бы деньги пропали по вине самих Квятковских, если б они сняли деньги со счета и потеряли их на этой авантюре, которую им советовал Гриша, то они бы себе этого не простили. Вот сколько здесь всего пережито. Так хоть за вещи свои деньги взять.

Молодые ничего этого не понимают, бросайте, мол, папа с мамой, свое барахло, и двигайтесь на легкие хлеба. Это у них легкие, а тут за каждую ложечку, как на войне, воевать пришлось. За холодильником Регина три дня в очереди стояла с номером на ладони. Вечером при закрытии магазина уходила, утром приходила, сверяла номера, снова стояла до вечера. Вот как холодильник достался. А телевизор? Когда открыли магазин, очередь, занимавшая места с восьми утра, бросилась внутрь. Регину толкали, ка-

кая-то женщина вцепилась ей в волосы. За сапогами она в Москву ездила, очередь выстояла в ГУМе с открытия и до закрытия, не отойдя даже поесть. Правда, теперь такого нет, телевизоров и холодильников хоть пруд пруди, но те-то, что у них стоят еще с самой советской власти, кровью и потом добывались.

Пришла сестра цыганки, посмотрела пальто и сказала, что больше ста гривен не даст. Петр Николаевич возмутился, он только вчера давал очередное объявление в "Авизо" и пальто не включил, рассчитывая на договоренность. Цыганка стояла на своем. Квятковский обернулся к жене за поддержкой, но к его удивлению, она вдруг сказала:

— Отдай ей пальто, Петя, все же лучше, чем тут оставить.

Петр Николаевич взял деньги, они были мелкие, по гривне, по две, и он подумал: намошенничала где-то. К его удивлению, счет был точный. Он спрятал деньги в шкатулку, хотел было засунуть ее на обычное место, под шкаф, но решил, что на глазах у цыганки этого делать не стоит. Сунул шкатулку в руки жене и пошел проводить покупательницу к дверям.

Когда он вернулся, Регина Семеновна сидела в той же позе, в руках она сжимала шкатулку, голова склонилась набок. У него кольнуло в сердце, он бросился к жене, схватил ее за плечо, она откинулась на кровать.

Когда Петр Николаевич вернулся с кладбища, его поразило, что в пустой квартире стояла густая непривычная тишина, жестоко напоминая ему о его горе, но в комнате сохранился ее запах, запах лежачей больной. Он сел на кровать, накрытую тем самым покрывалом с двумя тиграми, что они все-таки думали забрать с собой в Канаду как реликвию, которая будет им напоминать о тех годах супружеской совместной не такой уж плохой жизни, что они провели на Родине. Этот запах, который ранее раздражал его, показался сейчас щемяще родным. Петр Николаевич повалился лицом в покрывало и дал волю слезам.

Недели две он не мог ни о чем думать, не мог ничего делать. Соседи по двору навещали его, произносили обычные банальные слова, которые принято произносить в таких случаях. Никто уже не сомневался, что теперь Петра Николаевича в Одессе ничего не держит, и что он скоро уедет. Что делать старику одному в пустой квартире, когда за океаном есть дочка, зять, маленькая внучка? Неужели не хочется увидеть внучку своими глазами, подержать на руках, ведь он ее видел только на фотографии...

Петр Николаевич и сам так думал, но ведь вопрос продажи квартиры и вещей так и не был решен. Риэлторы давно поставили на этом объекте

крест, предоставив хозяевам самим заниматься вопросом своей недвижимости. Квартира Квятковских обрела во всем городе славу непродаваемой по причине "сдвига по фазе" своих хозяев. Петр Николаевич снова принялся давать еженедельные объявления в "Авизо" о продажах. Даже снизил цену квартиры с двадцати пяти тысяч до двадцати двух. Явился только один покупатель, предложил девятнадцать тысяч. Квятковский не согласился.

Зато на следующий день ушло трюмо и две пальмы в горшках. Их еще крохотными росточками он привез когда-то из Сочи. Потом занавески, пудреница Регины из раковины и овальное блюдо для крупной рыбы. Регинины сережки и подставку для календаря купила соседка.

Постепенно уходила мебель, и те вещи, которые еще не продались, Петр Николаевич складывал на газетах на полу.

Через полгода после смерти Регины Семеновны из мебели оставались только кровать, которую Петр Николаевич рассчитывал продать в последнюю очередь, чтобы было на чем спать, столик на кухне и один табурет. Но из-за того что были проданы два шкафа, комод и буфет, все непроданные вещи лежали навалом на газетах. По комнате было трудно пройти, казалось, чья-то злая воля навалила здесь эти горы тряпок, ненужных уже плечиков для одежды, старый поломанный телефон, рамочки для фотографий. После долгих колебаний покрывало с двумя тиграми Петр Николаевич тоже продал. И так все туго идет, а тут покупатель сам попросил, увидев его на кровати.

Как-то соседи заметили, что Петр Николаевич уже неделю не выходит в магазин за едой. Узнали в справочной "Скорой помощи", там он не числился. Позвонили в милицию. Милиционеры явились вместе с представителями ЖЭКа. Вскрыли дверь.

Петр Николаевич лежал лицом вниз на куче старых вещей, его не сразу заметили на ворохе тряпья.

Рядом номер газеты "Авизо" с объявлениями о продаже.

